Освобождение

Автор:
Патрик Несс

Освобождение

Патрик Несс

Universum. Удивительная вселенная Патрика Несса

День, который изменит все

От автора бестселлеров «Голос монстра» и «Поступь хаоса»

Дважды лауреат медали Карнеги за выдающийся вклад в литературу

Адам Терн – семнадцатилетний подросток из семьи священника, живущей в сельской глубинке. Больше всего на свете он хочет избавиться от гнета строгих родителей и уехать из родного городка.

И один летний воскресный день перевернет всю его жизнь.

В этот день старший брат сообщит неожиданную новость, а на работе возникнут проблемы. Вдобавок ко всем неприятностям уедет бывший парень, которого Адам до сих пор не может забыть.

Адаму придется преодолеть свой самый большой страх и наконец-то получить долгожданное освобождение.

«Патрик Несс – безумно прекрасный писатель».

Джон Грин, автор бестселлеров «Виноваты звезды» и «Бумажные города»

Патрик Несс

Освобождение

Посвящается Джону Маллинсу (1966–2015).

Нам тебя не хватает

А еще (она как раз сегодня утром почувствовала) этот ужас; надо сладить со всем, с жизнью, которую тебе вручили родители, вытерпеть, прожить ее до конца, спокойно пройти – а ты ни за что не сможешь; в глубине души у нее был этот страх.

Вирджиния Вулф. Миссис Дэллоуэй

(пер. Е. Суриц).

This pain

It is a glacier moving through you

And carving out deep valleys

And creating spectacular landscapes

John Grant, Glacier

(Джон Грант. Ледник).

Иго

Адаму пришлось самому ехать за цветами.

Маме, видите ли, они понадобились именно сегодня, прямо сейчас («Иначе все пропало! Ты хоть представляешь, сколько у меня дел?!»): не забери он цветы без заминок и нытья, о вечерней «встрече» с друзьями можно забыть.

Адам, конечно, не преминул напомнить матери – уважительно и без явного наезда в голосе, – что в прошлый раз за цветами ездил его старший брат Марти, а у него, Адама, тоже дел по горло, и новые хризантемы для клумбы не должны становиться причиной его посещения или непосещения «встречи», ради которой он еще в конце августа наколол дров на зиму (потому что просто так в этой семье ничего не бывает, за все нужно платить). Однако мамина просьба съездить за цветами моментально превратилась в ультиматум: либо Адам их привезет, либо будет сидеть дома (тем более недавно твою сверстницу убили!).

– Решай сам, – сказала мама, не глядя на него.

«Ладно, скоро вашему игу конец, недолго терпеть осталось», – думал Адам, садясь за руль. И все же ему пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем завести мотор.

Зато впереди целый день. Длинное воскресенье в конце лета, множество часов, которые нужно чем-то заполнить – и Адам уже их заполнил, даже список дел составил (он любил все планировать заранее): сперва пробежка, затем долгая и нудная инвентаризация в мегакорпорации «Зло интернэшнл», потом надо отцу в церкви помочь и еще заехать на работу к Анджеле – забрать пиццу для сегодняшней вечеринки…

«Доброе», – тренькнул лежавший у него на коленях мобильник.

Адам едва заметно улыбнулся. Ага, и без этого сегодня не обойдется.

«Доброе! – ответил он. – Поедешь со мной за цветами?»

«Теперь это так называется?»

Адам улыбнулся еще раз и начал сдавать назад. Все, долой злость и обиды, впереди прекрасный день! Чумовой просто! Смех, пицца, бухло, друзья и секс! Но как грустно это все закончится, просто нож в спину – вечеринка-то прощальная. Кое-кто уезжает. Адам пока не решил, рад он этому или нет.

Что за день!

«Во сколько приедешь?» – спросил телефон.

«Около 14?» – напечатал Адам, тормозя перед знаком «СТОП».

В ответ пришел эмодзи – оттопыренный вверх большой палец.

Он выехал из своего лесистого квартала на лесистую дорогу, которая вела в город. Эпитетами «лесистый» и «лесной», впрочем, легко описывалось что угодно в радиусе пятидесяти миль. То была особая примета городка под названием Фром (да и всего штата Вашингтон). Местные воспринимали лес как данность – то есть вовсе его не замечали.

Адам подумал о назначенной на два часа встрече. Сколько радости его ждет. Целое море сокровенной радости.

И – печали…

Нет, нет, хватит! Он с нетерпением ждет свидания. Ага. Прямо ждет не дождется. Одна мысль об этом…

Да, об этом.

Снова знак «СТОП».

«Прямо чувствую, как кровь приливает, – напечатал Адам. – Все, что надо, уже набухло».

В ответ – два больших пальца.

Итак, представьте себе нашего героя – Адама Терна. В этот миг он выезжает на шоссе – лесистое, разумеется, – которое ведет к садоводческому магазину. Несмотря на ранний воскресный час, движение на шоссе с каждой минутой становится все оживленнее. Адам Терн родился почти восемнадцать лет назад в местной больнице в десяти милях отсюда. За все эти годы он почти не покидал родных краев – только раз вместе с семьей съездил на гору Рашмор (и чуть не умер там от скуки). Когда он учился в шестом классе, папа, мама и Марти отправились с миссионерской поездкой в Уругвай, а его с собой не взяли. Папа потом рассказывал, что это был кошмар: всюду грязь и на редкость равнодушные к Благой вести местные, но Адам (оставшийся по причине юного возраста на три недели с бабулей Пэт и дедулей Джоном) прекрасно понял, что из поездки его родные привезли совсем другие впечатления.

Еще двенадцать месяцев, и игу конец.

Через неделю начинается учеба. Выпускной класс.

А дальше – только небо.

Ведь Адам Терн так хочет отсюда уехать. Вырваться. Адам Терн мечтает об этом всей душой, так сильно, что голова идет кругом. Будь на то воля Адама Терна, он уехал бы вместе с тем, кто закатывает сегодня прощальную вечеринку.

Ну… да, скорей всего – уехал бы.

Адам Терн. Белокурый и здоровенный (увы, внушительные размеры пока его не красят – кажется, что его тело еще не нашло общего языка с силой земного притяжения). Отличник. Изо дня в день он пытается отстоять свое право самостоятельно выбрать, где учиться – да и вообще право учиться как таковое, ведь у его родаков по-прежнему нет денег. Зато на бессмысленные хризантемы деньги есть (ведь «дом проповедника должен выглядеть подобающе», ну-ну). Ладно, это все пустяки. Главное – свалить наконец из города Фром, штат Вашингтон.

Адам Терн, хранитель секретов.

Когда он въехал на парковку садоводческого магазина, зазвонил его мобильник.

– Сегодня, смотрю, все такие ранние пташки, – сказал он в трубку.

– Сколько раз говорить: я – не все?! – проворчала Анджела.

– Вообще-то все – это все. В том и фишка.

– Все – это те, кто ведет себя по-идиотски, а мы – не все – можем над ними смеяться и всячески самоутверждаться за их счет.

– А ты чего не спишь?

– Угадай. Куры и вот это вот все.

– Такое чувство, что без кур ничего не обходится. Когда-нибудь они будут править миром.

– Моим уже правят. Ну, а ты чего так рано?

– За цветами поехал. Для маминого садика наказаний.

– Прямо слышу, как по тебе плачет психолог.

– Мои не верят в психологов. Если человеку не помогает молитва, значит, он все придумал.

– Ох уж эти родители… Как они отпустили тебя на вечеринку? Особенно после истории с Кэтрин ван Лювен.

Кэтрин ван Лювен была той самой девчонкой, которую недавно убили (хотя казалось бы: человеку с такой мощной фамилией уже ничего не грозит). Она училась в школе Адама, но выпустилась в прошлом году, и они не были знакомы. Ладно, предположим, ее действительно убили на том же озере, где сегодня вечером он «встречается» с друзьями (разговаривая с родителями, Адам никогда не использовал слово «вечеринка» – иначе его бы точно не отпустили), но убийцу уже поймали, он во всем сознался и теперь ждал вынесения приговора. Кэтрин вечно тусовалась со всякими нариками. Ее убил бойфренд, у которого на почве наркоты основательно сорвало крышу. Согласно показаниям единственного

свидетеля, такого же нарика, в тот вечер он загнался – подумать только – из-за каких-то коз. Анджела, лучшая подруга Адама, набрасывалась с упреками на всякого, кто осмеливался предположить, что по Кэтрин ван Лювен давно могила плакала.

– Ты же ее не знаешь! – орала она на каждого, кто так говорил. – Не знаешь, какая у нее была жизнь, не знаешь, что такое зависимость. Никто не знает, что творится в голове у другого человека!

Что правда, то правда – и слава богу. Особенно Адаму бы не знать, что творится в головах у его родителей.

– Они думают, я иду на «встречу» с тремя-четырьмя друзьями. Мол, мы все хотим попрощаться с Энцо.

– Почему «мол»? Вроде так и есть.

– Так-то оно так, но про самое интересное я умолчал.

– Ну да, ну да. А что с пиццей? Пицца, пиво и вот это вот все.

– Сперва я на пробежку, потом на работу, потом в два встречаюсь с Линусом. А, еще надо отцу в церкви помочь, он меня загрузил по полной…

– В церковь прямиком из койки с Линусом? Ах ты, негодник!

– В общем, около семи заеду, о’кей? И сразу двинем на вечеринку.

– То есть на «встречу».

– Ну да, сперва-то мы встретимся, конечно.

– В семь. О’кей. Мне еще надо с тобой поговорить.

– Про что?

– А, про всякое. Не парься. Ладно, я к курам. Куры зовут.

Ее родители держали ферму. Анджела всем говорила, что ее нарочно удочерили из Кореи – мол, это выгоднее, чем нанимать постоянного работника. Конечно, она сама отлично понимала, что это не так; мистер и миссис Дарлингтон – чудеснейшие люди – хорошо относились к Адаму и косвенно давали понять (вслух сказать такое они не решались), что у них дома он всегда может укрыться от родителей.

– Напомни-ка, когда мы друг за дружку горой? – спросила Анджела (так они обычно прощались).

Адам усмехнулся:

– Всегда. До конца света.

– Ага. Ну ладно, пока.

Она повесила трубку.

Адам вылез из машины на утреннее солнце. Еще только восемь утра, а парковка возле магазина уже наполовину забита машинами серьезных садоводов, которые начали готовиться к осени. Адам минутку постоял под открытым небом – точнее, под небольшим клочком этого неба, расчищенным от вездесущего леса. Закрыл глаза, ощутил на веках солнце.

Сделал глубокий вдох.

«Иго» – это ведь даже не его слово. Библейское. Папино. Слово Здоровяка Брайана Терна, бывшего лайнмена защиты, успевшего до травмы плеча блестяще отыграть три сезона за футбольную команду «Сихоукс», а ныне бессменного проповедника «Дома на камне», второй по размеру евангелической церкви города Фром. «Пока ты живешь в этом доме, – однажды проревел отец прямо в лицо Адаму, – ты под моим игом, ясно?!» В тот раз у Адама на месяц отобрали машину. За то, что он вернулся домой на десять минут позже условленного.

Он вдохнул, выдохнул и пошел в магазин за хризантемами.

В цветочном отделе сегодня работал Джейди Макларен – они с Адамом пересекались на уроках литературы и химии.

– Привет, – как всегда дружелюбно поздоровался Джейди.

– Привет! Я и не знал, что ваш магаз так рано открывается.

– Ага. Начальство увидело, сколько народу собирается у «Старбакса» в пять утра, и решило не упускать клиентуру.

– Ясно. Может, они и правы. Я за хризантемами приехал.

– Корневища? Их вообще-то весной сажают.

– Нет, мне нужны цветущие кусты. Брат недавно наехал на те, что росли у нас вдоль дорожки, ну и раздавил их всмятку. Маму хватил удар.

– О, господи!

– Да не настоящий удар, ты что!

– А… Ну, лан.

– Вот меня и послали за хризантемами. Если не привезу – запрут дома.

– То есть не пустят на сегодняшнюю тусу в честь отъезда Энцо?

– Угу. Ты идешь?

– Иду. Говорят, там даже пиво в кегах будет – родаки-то у него из Европы. Типа им все равно, будем мы пить или нет.

– Мы с Анджелой привезем пиццу. С ее работы.

– Вообще супер!.. Цвет хризантем имеет значение?

– Наверняка, но мама не уточнила, так что это ее проблемы.

– Принесу какой-нибудь вырви глаз, да?

– Ага. Слушай, и давай…

Джейди обернулся. Не глядя ему в глаза, Адам добавил:

– …давай не самые дорогие, о’кей?

– Без проблем! – серьезно ответил Джейди и ушел к огромному полю с цветочными паллетами. Там стояли одни горшки, но в магазине был и холодильник со срезанными цветами – для желающих приобрести букет. Адам подошел к холодильнику, неспешно размышляя о предстоящем дне и даже не замечая, что напевает себе под нос.

В пластиковом ведре стояла одинокая красная роза. Он машинально потянулся к ней и очнулся, лишь когда уже держал цветок в руках. Одна красная роза. Можно же ее купить? Это нормально? Парни так делают? Если девушке подарить – это одно, а вот если…

Никаких правил на этот счет вроде нет. С одной стороны, это здорово упрощает дело – раз нет правил, то и подчиняться им не надо, даже с Линусом. Но порой все же хочется иметь какую-то точку отсчета – книжку или историю. Можно ли подарить Линусу красную розу? Как он отнесется к подарку? Неужели только ему, Адаму, пришел в голову подобный вопрос, а все остальные давно знают ответ?

Он прикоснулся к острому, как у терна, шипу на стебле (Адам давно научился не обращать внимания на плоские шуточки про колючесть своей фамилии – про «тернии к звездам» и «терновый венец» – все равно над ними никто не смеялся, кроме самих шутников) и решительно надавил. Шип пронзил кожу, и в налившейся на пальце капле крови он увидел…

…целый мир, быстрый, точно судорожный вздох: деревья и трава, озеро и лес, чей-то темный силуэт за спиной, допущенные ошибки, горе утраты…

Адам заморгал и поднес окровавленный палец к губам. Видение исчезло. Растворилось, как туман, оставив за собой лишь смутное беспокойство и медный привкус во рту.

Когда Джейди вернулся, Адам купил розу. Она была дешевая – всего два бакса.

Она приходит в себя от запаха крови и роз: будто шип вонзился ей в самое сердце. Одежда промокла до нитки. Что случилось? Она вышла… из озера?

Память подводит. Было какое-то смятение, шквал, неразбериха, внезапное освобождение…

…а потом острая боль, резкий укол в сердце, и заалела жемчужина крови…

Она садится. С нее льет, словно она только что стояла под водопадом, при этом земля под ногами сухая. Вернее, чуть влажная (все-таки это берег озера), но твердая. Она медленно, озадаченно проводит рукой по земле. Берет щепотку, подносит к лицу, глубоко вдыхает запах – плотный, торфяной, землистый. Кровью не пахнет.

Да и с чего земле пахнуть кровью? Вокруг – заросли диких роз, она это почему-то знает. Сплошь шипы и колючки.

Запах крови постепенно тает – словно голос из сна, который уже почти забыт.

Она встает. С нее капает; под ногами уже образовалась лужица. Платье – ее, думает она. Платье – не ее, думает она. Оба утверждения, как ни странно, истинны. Платье цветочное, легкое, изящное – под стать молодой девушке, но какое-то иронично-старомодное, в ретростиле. А может, оно действительно из другого времени?

«Разве я ношу платья?» – думает она.

Да. Нет.

В боковых швах есть карманы (тоже старомодно!), и в них лежит что-то тяжелое. Она засовывает руки внутрь и достает оттуда два кирпича. Такие запросто могут увлечь на дно.

Утопить.

Долго, очень долго она разглядывает кирпичи.

А потом роняет. Они падают на землю с глухим стуком.

– Смерть – еще не конец, – произносит она вслух.

Что? Что это было? Как это понимать?! Она закрывает рот ладонью – словно пытается заткнуть его, сдержать слова.

Песня. То были слова из песни. Где-то в районе диафрагмы уже возникает сама собой знакомая мелодия. И слова. Эта песня обычно звучит на похоронах, у могил. А может, автор песни хотел, чтобы так казалось – может, он сочинял ее с той же иронией, с какой было сшито это платье.

Она закрывает глаза, поднимая лицо к лучам солнца, пробивающимся сквозь кроны деревьев. Видит венки и капилляры на внутренней стороне век – красные, как смерть.

Делает вдох.

И тут ее начинает рвать – обильно, неудержимо. Как в желудке могло поместиться столько воды?! В прозрачной лавине, хлещущей из ее рта, нет ни желчи, ни переваренной пищи. Обессилев, она падает на колени: лужица у нее под ногами превращается в ручей и устремляется к озеру.

И вот все кончено. Она тяжело дышит, пытаясь собраться с силами. Наконец встает на ноги. Ее волосы, кожа, платье – все совершенно сухое. Нигде ни следа влаги.

Она вновь делает глубокий вдох.

– Я найду тебя, – говорит она и босиком отправляется в путь.

Из-за кустов шиповника за ней с тревогой наблюдает фавн. Когда она уходит, он пускается следом.

2

Пробежка

Во время пробежек Адам не сразу входил в нужный ритм – обычно это удавалось ему на второй, а то и на третьей миле. «Может, бег на длинные дистанции – не твое?» – деликатно намекнул тренер в самом начале занятий. А потом еще раз намекнул, уже менее деликатно. А потом сдался: Адам исправно ходил на тренировки и всякий раз пробегал нужные километры. Впрочем, ни одного соревнования он до сих пор не выиграл – эти неловкие первые десять минут тянули вниз всю команду, но…

Стоило ему разогреться и вспотеть, как напряжение исчезало без следа, дыхание становилось ритмичным и тяжелым, а волной адреналина и эндорфинов начисто смывало боль и скованность в мышцах от предыдущих тренировок. Когда это происходило, Адаму становилось очень хорошо – даже на дорогах без обочин с кучей утомительных подъемов и спусков или (как сейчас) на тропинке вдоль старой железной дороги, забитой наглыми велосипедистами и группами мамаш с прическами гофре и в коротких топах пастельных оттенков.

Целых сорок пять минут – а то и час, и полтора – мир принадлежал ему одному. Он был один в этом мире. Беспечное, блаженное, прямо-таки священное одиночество!

Сейчас оно пришлось как нельзя кстати, потому что с хризантемами все прошло хуже некуда.

– Нарочно выбрал цвет блевотины? – спросила его мать.

– Других там не было.

– Подумай хорошенько. Ты уверен? А то я ведь съезжу и посмотрю, мне нетрудно.

Тихим и ровным голосом он ответил:

– Других не было.

Она неохотно уступила.

– Такое, конечно, возможно – конец сезона, как-никак. Но ты ведь мог купить другие цветы – не настолько похожие на… продукт человеческой жизнедеятельности?

– Ты велела купить хризантемы. Если бы я купил что-нибудь другое, ты бы отправила меня обратно – и утро коту под хвост. Причем у нас обоих.

О том, что глупо тратить на цветы кучу денег (когда он уже третью зиму подряд ходит в одной куртке), Адам умолчал.

Мама помолчала с минуту, потом взяла у него паллет с цветами и, даже не сказав «спасибо», понесла их во двор. Несколько минут спустя, когда он переоделся в беговую форму и выскочил на улицу, мама уже копалась в клумбе вдоль дорожки. Она что-то крикнула Адаму вслед, но у него в наушниках громко играла музыка – он вроде как ничего и не услышал.

Родители… Нет, они не всегда смотрели на него с такой злостью/недоверием/опаской. Детство у Адама было нормальное, в семье его за глаза называли «даром свыше»: спустя четыре года бесплодных (в прямом смысле слова) попыток зачать второго ребенка родители отказались от этой затеи. А через восемь месяцев, как оно обычно и бывает, на свет появился Адам.

Мать называла его «мой малыш». Слишком долго. Слишком много лет подряд. В конце концов в этом слове больше не осталось любви – оно произносилось

свинцово-тяжелым назидательным тоном. «Ты нам не ровня и никогда не станешь ровней», – словно бы говорили родители. Особенно когда Адам начал дружить с девочками. А с мальчиками – так и не начал. Особенно когда он отказывался смотреть матчи Суперкубка, предпочитая им церемонии «Оскара». Особенно когда они увидели в нем «немножко гея».

Мать однажды сказала это прямо при Адаме – после воскресной службы, когда они сидели за столом в закусочной «Вендис».

– Тебе не кажется, что он немножко гей? – громко спросила она отца.

Пятнадцатилетний Марти в ярости уставился на свое шоколадное мороженое; одиннадцатилетнему Адаму показалось, что ему влепили пощечину – так сильно заныло лицо.

А ведь он всего лишь упомянул, что сын их учительницы ходит на танцы – и говорит, что там очень здорово.

– Нет, – слишком поспешно и слишком строго ответил отец. – Никогда больше так не говори. Разумеется, он не гей. – При этом он пристально поглядел на Адама, давая понять, что это не столько его личное убеждение, сколько приказ. И заодно строгий запрет на посещение каких-либо танцевальных кружков.

Больше тема танцев в семье не поднималась.

Терны были не дураки. Адам очень быстро научился правильно искать в интернете все, что нужно, – еще до того, как родители узнали о существовании такой штуки, как родительский контроль на роутере. Да и они, люди образованные, прекрасно понимали, что окружающий мир меняется с каждым днем. Но порой казалось, что эти перемены происходят только в далеких мегаполисах и не добираются до провинции, где высшее образование и ум нужны людям лишь затем, чтобы улыбаться и помалкивать о своих убеждениях, а не ставить их под вопрос.

В конце концов, отец – священник евангелической церкви. Адам – его сын. У такой семьи, хоть ты тресни, не может не быть проблем с принятием реальности.

В общем, Адаму запрещали ночевать у друзей, а домой он должен был возвращаться куда раньше, чем в свое время Марти. В первую очередь это касалось дружбы Адама с Энцо (и почти не касалось его дружбы с Линусом, ведь о Линусе родители практически ничего не знали – за что огромное спасибо Анджеле, которая прикрывала его при любой возможности). Разумеется, Адам был обязан посещать церковь – один раз в среду и два раза в воскресенье, а летом целый месяц проводить в христианском лагере, куда Марти ездить не заставляли (впрочем, тот охотно ездил в лагерь по собственной воле). Родители даже пытались запретить ему школьный театральный кружок – пока он не сообщил, что записался еще и в беговую команду.

Четвертая миля началась у конца тропы вдоль заброшенной железнодорожной ветки. Там ему пришлось свернуть – путь преградили пять спортивных мамаш с колясками. Примерно на этом этапе пробежки он переставал мысленно спорить с кем бы то ни было и начинал принимать все происходящее как данность. Ну, свернул и свернул, подумаешь.

Анджела в отличие от него обожала родителей. Собираясь вечером за ужином, они – подумать только – смеялись! С четырнадцати лет она могла возвращаться домой в любое время суток, потому что родители ей доверяли. Когда она «окончательно» лишилась девственности и секс не оправдал ее ожиданий, она поговорила об этом с мамой (сперва, конечно, тщательно обсудив все с Адамом).

Он представил себе лицо отца, если бы рассказал ему о своем первом сексуальном опыте с Энцо, и захохотал в голос. Какой-то старикан, кативший мимо на самодельном велике, весело поглядел на него и улыбнулся.

Адам свернул на дорожку вдоль озера – на этом самом озере, только на противоположном берегу, Энцо вечером устраивал вечеринку. Вообще-то сегодня Адам планировал пробежать только шесть миль (тем более пришлось задержаться из-за хризантем), но теперь решил одолеть все восемь. Только подналечь немного… Адама охватило замечательное, редкое чувство, какое он иногда испытывал во время пробежки, – осознание своей силы, молодости, временной неуязвимости, которую он получал лишь на пике физического напряжения. Он мог бы бежать эти последние четыре мили хоть целую вечность. Ему и хотелось бежать их целую вечность.

Футов через сто Адам услышал сигнал автомобильного клаксона, но решил, что гудят не ему.

Энцо никогда не нравился его матери и отцу, однако сказать об этом прямо они не осмеливались. Лоренцо Эмилиано Гарсия родился в Испании и совершенно ее не запомнил: сразу после его рождения родители нашли способ перебраться в Америку, а когда он окончил седьмой класс, переехали в небольшой спальный пригород, практически деревню – Фром. Акцента у Энцо не было, зато был европейский паспорт. Сам факт обладания паспортом (даже без слова «европейский») производил неизгладимое впечатление на его сверстников. Но нет, сегодня он уезжал не в Испанию. Его матери предложили должность эндокринолога в клинике на другом конце страны – в Атланте. Родители позволили Адаму пойти на прощальную встречу только по одной причине: они радовались, что Энцо наконец перестанет оказывать дурное влияние на их сына.

Самое смешное – они недолюбливали Энцо вовсе не потому, что у Адама был с ним секс и любовь (любовь ли? считал ли так Энцо? а сам Адам?), в общем – близость. Заподозри родители нечто подобное, они бы тут же сослали сына в лагерь для бывших геев – он бы и глазом моргнуть не успел.

Нет, их бесило, что Энцо – католик.

Адам снова рассмеялся в голос. Видать, эндорфины уже взялись за работу.

– Ты хотя бы свидетельствовал для него? Пытался научить его Евангелию? – однажды спросил отец. – Ибо такова воля Божия.

– Они каждое воскресенье ходят в церковь, пап. У них свой Бог.

– Не богохульствуй.

– Да в каком месте это бого…

– Ты давно мог открыть ему глаза на ересь папства.

– А, так вот с чего надо начинать отношения с людьми! Ну-ну.

– Опомнись, Адам! В тебе столько… столько харизмы! Когда же ты направишь ее в нужное русло?..

– Что, правда? У меня есть харизма? – искренне удивился Адам.

– Побольше, чем у Мартина. – Папа произнес это так, словно наконец признал неприятный факт. – Твой брат… У него много других достоинств, но говорить, как ты, он никогда не умел. У тебя язык подвешен. Я молил Господа, чтобы у меня родился сын-проповедник. Господь внял моим мольбам и с присущим ему чувством юмора послал мне двух сыновей: один верует всей душой, но лишен таланта, а второй талантлив, но не верует.

– Как-то это не очень по отношению к Марти…

– Просто научи друга нашей вере, сынок. Стань для него свидетелем. – Адама в очередной раз ждало потрясение: в глазах отца стояли слезы. – Я ведь знаю: ты можешь быть очень, очень убедителен.

«Что ж, – подумал Адам, – язык у меня и впрямь подвешен: такое вытворял с Энцо! Это точно было убедительно».

Вслух, конечно, он ничего подобного не сказал.

Тот разговор с отцом его здорово смутил. Смутили не папины проповеди, разумеется, а его внезапная откровенность: уж очень давно он не говорил, что возлагает на Адама какие-то надежды. Родители словно увидели в нем блудного сына и решили посмотреть, чем закончится история.

Только Адама это почему-то не радовало – даже эндорфиновый приход под конец пятой мили не помог. Он собрался с силами и прибавил шагу.

Все же он любил Энцо. Любил. И пусть то была юношеская любовь – чувства сперва пятнадцатилетнего, а потом семнадцатилетнего подростка, – разве это ее умаляет? Болваны из «Ромео и Джульетты» были и то младше. Почему люди, становясь взрослыми, автоматически начинают отрицать и принижать испытанное в юности? Ну да, все осталось позади, и что?! Разве чувства – в те мгновения, когда он их испытывал – потеряли свою силу и остроту? Истина всегда здесь и сейчас, даже когда ты юн. Особенно когда ты юн.

Адам любил Энцо.

А потом Энцо – по какой-то необъяснимой причине – вдруг разлюбил Адама. Они вроде как стали «друзьями» (а вот это уж полный бред!). Адам не свидетельствовал для Энцо, не показывал ему веру от дел своих, зато показал любовь. Если он такой харизматичный и убедительный, как говорит папа, почему же Энцо не ответил ему взаимностью?

– Черт, – выдохнул Адам и оперся руками на колени, тяжело дыша…

– Черт, – слышит она, шагая через лес.

И вновь этот укол в сердце.

Ей хочется пойти на голос, что-то влечет ее в том направлении – быть может, попросту тепло другого человека. Она делает шаг, два, три, четыре, пять в глубину леса…

Но тепло вновь исчезает, уходит от нее.

Ничего. Если это тот, кого она ищет, рано или поздно они встретятся.

Уж это она знает наверняка.

…и обливаясь потом. Пот капает с его носа – три, четыре, пять черных капель на дорожке. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он расстался с Энцо – и все эти месяцы он прекрасно проводил время с Линусом (вот повезло-то, а? учитывая, что он учится в обычной школе на окраине городской окраины!), эти месяцы были полны смеха и нежности.

Почему же ему до сих пор больно?

– Ты чего, сынок? – спросил тот самый старик на самодельном велике.

Адам вытащил из уха один наушник.

– Да ничего. Ерунда… Просто разбитое сердце.

– Мой тебе совет, – сказал старик, не прекращая крутить педали. – Выпей виски. Да побольше!

– Ха! – Адам помотал головой и побежал дальше.

И вот, на тридцать шестой минуте пробежки (он проверил часы на мобильнике), наступил долгожданный момент, когда вся боль отступила. Ноги двигались ритмично, правильно работали руки, да и каденс был что надо.

«Я силен», – почти сознательно подумал Адам. Я силен. И побежал еще быстрее.

Все же родители его любят. Пусть странно и по-своему, но любят – а как иначе? Только их любовь почему-то зависит от степени его послушания, готовности следовать определенному своду правил. Если уж начистоту, эти правила Адаму известны и понятны. Загвоздка только в послушании.

Зато он знает, что такое любовь. И еще он любим – пусть даже любит его одна Анджела. Кстати, именно она открыла Адаму глаза на его чувства к Энцо (и она же рассказала о них самому Энцо). Адам тогда только начал разбираться в буре эмоций, которую вызывали в нем парни, и даже каким-то чудом лишился девственности (но это уже совсем другая история). Так что нет, он не пытался душить в себе любые внутренние порывы, однако Анджела почему-то уперлась и решила как можно скорее расставить все точки над «i».

– Допустим, мне хочется поцеловать Шелли Морган, – сказала она однажды.

Адам покосился на подругу. Они сидели на подушках в телевизионной комнате у нее дома.

– Да ты что?

– Ну да. А кому не хочется? Она же наполовину вампир, наполовину хомячок!

– И тебя от этого прет?

– От этого прет почти всех. Кроме тебя. Короче, умолкни, сейчас я говорю. Даже если бы мне хотелось поцеловать Шелли Морган, это совсем не мешало бы мне мечтать о Курте Моргане.

– Фу. Ты с ним целовалась, между прочим! Этот персиковый пушок на щечках – буэ.

– Серьезно? А мне кажется, это так трогательно. Ладно, не суть. Допустим, с утра мне хочется поцеловать Шелли Морган, а вечером того же дня – Курта Моргана. Получается, кто я?

– Э-э… озабоченная?

– Нет, ты должен был ответить «би», и тогда я бы на тебя наорала. Или ты мог сказать «шлюха» – вот тогда бы я точно на тебя наорала!

Минуту-другую они молча глазели на экран телика: зомби-деревенщина сдирал кожу со смазливого-но-тупого-и-с-ног-до-головы-эпилированного качка из студенческого братства. У Адама и Анджелы было много общего, в частности – нелюбовь к душещипательным подростковым киношкам. Ужасы рулят, ага.

– Жесть, – сказала Анджела, отправляя в рот чипсину.

– Погоди. Так разве это не делает тебя «би»?

– О боже, нет! Лишь бы ярлык на человека навесить, да?

– Приехали.

– Я это к чему: зачем вообще как-то себя называть? Ведь если никак себя не называть – ура, свобода! Да здравствует самореализация! Да здравствуют гибкость мышления и широкие взгляды, долой закоснелость, ярлыки и вот это вот все.

– А если так: познание самого себя порой не менее важно, чем гибкость мышления?

– Как ты можешь быть уверен, что тебе нравятся одни мальчики? Почему не хочешь оставить себе право выбора?

– Потому что я так воспитан: есть лишь один правильный путь. И все остальные пути – неправильные. Нельзя сходить с выбранной дороги.

– Так тем более…

– Я не договорил. Когда до меня наконец дошло главное – что я не такой, каким меня считали, а вообще другой, – вот тогда-то, Эндж, ярлык перестал быть тюрьмой, а стал целым миром, огромной картой, причем моей собственной. Теперь я могу выбирать любые дороги, идти куда захочу и, возможно, когда-нибудь найду в этом мире свой дом. Ярлык в моем случае оказался не закрытой дверью, а ключом.

Анджела задумчиво хрустнула еще одной чипсиной.

– О’кей. Принимается.

– И вообще, если бы мне нравились девчонки, то в первую очередь я бы втрескался в тебя!

– Фу, ходячий канал «Дисней»! Пшел отсюда, ты для меня слишком высокий. – Однако она подсела поближе к Адаму и положила голову ему на плечо. Минуту смотрела, как на экране обезглавливают полуголую блондинку, потом добавила: – А все-таки Шелли мне хочется поцеловать больше, чем Курта.

– О’кей. Обещаю никак тебя не называть, пока ты сама не определишься.

– А я обещаю не беситься по поводу твоего дурацкого ярлыка, если уж он так тебя раскрепощает.

– Лады. – Он поцеловал ее в макушку.

– Ну, и когда ж ты наконец затащишь в койку Энцо Гарсию?

– Энцо? – искренне удивился Адам. И тут же перестал удивляться. – А. Ну да.

Вот почему спустя три недели Анджела пригласила на вечеринку по случаю своего шестнадцатилетия (она была на четыре месяца старше Адама, но – надо же! – никогда не зазнавалась по этому поводу) всего трех гостей: самого Адама, Энцо и слегка обалдевшую, но действительно очень милую Шелли Морган.

– Значит так, – тихо обратилась Анджела к Адаму и Энцо, когда ее родители привезли их в боулинг. – Весь этот вечер я планирую выяснять, стоит ли поближе знакомиться с Шелли Морган. И вы к нам не лезете, ясно? К счастью, Энцо, Адам по уши в тебя влюблен, так что вам будет, о чем поговорить.

С этими словами она ушла, оставив их ошалело молчать. Адаму следовало тут же рассмеяться, но он как-то не сообразил.

И Энцо это заметил. К концу вечера они вовсю целовались на заднем дворе боулинга. Энцо пах крендельками и теплом, а губы у него были нежные, как сонный щенок. У Адама захватило дух – в самом прямом смысле этого слова. Еще казалось, что он никак не может напиться.

Анджела в тот вечер тоже поцеловала Шелли Морган, но та пахла виноградом. «Все равно что целоваться с мишкой Гамми».

Зато у Адама и Энцо завязались отношения, которые продлились целых семнадцать месяцев, одну неделю и три дня.

Шестая миля пришлась на то место, где дорожка начинала постепенно сворачивать обратно в лес. Музыка по-прежнему грохотала у него в ушах, однако чувствовалось, что вокруг стоит тишина. На дорожке было пусто, озеро понемногу исчезало за густеющим лесом. Адам дышал слегка не в такт движению ног. Наконец он оказался в полной тени и лишь тогда почувствовал, как сильно вспотел. Футболка была мокрая насквозь.

Он еще раз глянул на экран смартфона. Ну, неудивительно! Приложение для бега показывало, что он достиг максимальной скорости. Такая скорость – научись он набирать ее сразу, а не под конец пробега, – сулила бы ему будущее вполне конкурентоспособного спортсмена.

Возможно, та шутка Анджелы – если это вообще была шутка – сыграла свою роль в их отношениях. Понятное дело, Анджела просто хотела помочь. Она ведь думала, что Энцо тоже неровно дышит к Адаму. Но если изначально это было не так, она фактически вручила ему полную власть над Адамом – вот так запросто, одной необдуманной фразой.

– Ты правда меня любишь? – спросил Энцо перед тем, как они поцеловались. На его красивом лице сияла одновременно удивленная и заинтригованная улыбка.

Что ж, все может быть. Ведь куда проще быть любимым, чем любить самому.

Деревья внезапно упираются в серый бетон. Она едва не падает в пустой воздух – такое чувство, что перед ней резко убрали стену.

Как это понимать? Она потрясенно оглядывается по сторонам.

Ноги у нее в порезах и ссадинах после долгой прогулки босиком по лесу. Земля там была покрыта не только лесным мусором – ветками, шишками, хвоей, – но и человеческими отходами. Разбитое стекло, ржавая тележка из супермаркета, огромное количество пластика всех – как на подбор отвратительных – оттенков. Одна поляна оказалась усеяна иглами от шприцов, которые так и вонзались ей в пятки, пока она наконец не посмотрела вниз (решив, что на нее напал дикобраз).

Крови почему-то нет. И боль приглушенная, едва ощутимая, словно доносится из другой комнаты.

Впереди, на противоположном конце забетонированной площадки, стоит ветхий, заброшенный продуктовый магазинчик.

Хочется пить.

– Хочу пить, – говорит она вслух.

– Здесь вам с этим вряд ли помогут, юная леди, – отвечает голос.

Человек. Мужчина. Его одежда, кожа, волосы – все цвета камуфляжной пыли, делающей его практически невидимым в тени старинной помойки, расположившейся у стены здания.

Она пытается ответить, пытается спросить, что это значит, но язык не слушается. Она лишь с огромным трудом повторяет то, что уже сказала, и хмурится. Почему говорить стало так тяжело?!

Человек выходит из тени и приглядывается. Его обожженное солнцем лицо похоже на бородатую морщинистую маску, однако на нем отчетливо видно беспокойство.

– Под кайфом ты, что ли?

Тут его голос меняется, словно он начинает говорить сам с собой:

– Небось наркотики… – Ну да, они самые. Там, в лесу, миллион лабораторий… Вот только лицо у нее… Наркотики плавят лица, а у нее лицо не расплавленное, нет-нет, ее лицо – как солнце на воде, дружище, солнечные блики на воде…

Затем он вновь обращается к ней:

– Вам нужен врач?

От слова «наркотики» у нее в животе словно закручивают винт – холодный, страшный, и изнутри вспархивают, будто удушающий ворох перьев, слова: не нужен, не нужен, не нужен…

– Не нужен, – отвечает она.

– Смотрю на нее, – говорит человек, – и не знаю, правду она говорит или нет, да и вообще – на мой ли вопрос она отвечает? А солнце, что жжет мне лицо, – совсем не то же солнце, что светит на нее, о нет, на нее светит другое солнце – преломленное водой, подвижное, живое, дышащее…

Он встает и как будто сам тому удивляется.

Затем вновь подает голос:

– Вы меня не бойтесь…

И уходит обратно в тень. Там он поднимает с земли уже открытую черную банку.

– Ладно, помогу вам – дам попить. Хотя вряд ли вам стоит много пить на такой жаре, под палящим солнцем.

Он делает шаг навстречу.

– Вот, юная леди, видите? Я не жду, что вы сами ко мне подойдете. – Глупо от нее этого ждать. Надо подойти первым. Слышишь? Надо. А вдруг она сделает тебе больно?

– Не сделаю, – отвечает она и сознает, что говорит правду.

Человек идет по серому бетону (идти ему явно тяжело и больно, однако он не медлит и не останавливается). В шаге от нее он замирает и протягивает напиток – тянется изо всех сил, будто знает, что она не в состоянии сделать даже шаг навстречу.

Она делает этот шаг и обхватывает его протянутую руку ладонями. От неожиданности он резко втягивает воздух. Теперь она чувствует его запах – немытой кожи, нищеты, крайнего одиночества. Она берет банку, все еще держа человека за руку. Раскрывает его шершавую ладонь и проводит по ней пальцем.

– Эта рука… – произносит она. – Эта рука меня убила.

– Нет, не эта.

– Такая же.

– Все руки одинаковые. Одинаковые и в то же время разные.

Она отпускает его ладонь и замечает банку в своей руке. От банки исходит сильнейший, почти живой запах дрожжей.

Она делает глоток. Вкус – словно грохот железнодорожного поезда, бой тимпана, свет маяка в тумане. Она смеется, пена струится по подбородку.

– Господи, я же терпеть не могла эту дрянь, – говорит она одновременно своим и совершенно чужим голосом. Потрясенно умолкает.

«Нет, я прежде не пробовала этот напиток», – думает она.

«Пробовала – и он мне страшно не понравился», – думает она.

– И то и другое – правда, – говорит она вслух.

– Так оно и бывает, – кивает человек.

– Скажите. Сколько нас? Сколько… меня?

– А сколько вам надо, столько и есть.

Интересно, сможет ли он дать ответы на все вопросы, что парят позади нее и над ней, словно стая зорких птиц, ждущих, когда же она оступится? Как она сюда попала? Куда идет? Что за шип засел в ее сердце?

Нет, конечно, нет. Сразу видно, что он очень встревожен, ему страшно за себя. Он ущербен, надломлен – подобно многим из них (из кого?), – и борется из последних сил. Она не находит в себе даже разочарования. Только жалость.

– Спасибо, – говорит она, с серьезным видом возвращая ему банку.

– Она возвращает тебе банку, – говорит человек. – Освещает тебя лучами солнца и благодарит.

– Верно, благодарю.

– Она тебя благодарит.

Человек провожает ее взглядом. Она идет по забетонированной площадке в сторону пустой дороги. Решительно, целенаправленно, не обращая никакого внимания на острые бугры и камни, впивающиеся ей в ноги.

– Она уходит, – говорит человек, делая глоток из банки.

Его лицо сохраняет прежнюю невозмутимость, когда из леса на парковку выходит фавн, цокая копытами по бетону, словно важный осел. Он очень высокий, около семи футов ростом, с мохнатыми ногами, рогатой головой и обнаженной грудью – весь он гол, как дикий зверь, и исходящий от него приапический козлиный запах прочищает нос не хуже ментола. Фавн тянется к человеку.

– Существо прикасается к твоим глазам, – говорит человек. – Это явно сон. Иначе и быть не может. Существо дарует тебе забвение – легкое и сладостное.

Фавн уходит, оставляя человека в состоянии эйфории. Только эту эйфорию он и запомнит, все остальное забудется, как сон. Взглянув на солнце, фавн устремляется вслед за девушкой. Впереди еще целый день, но он не бесконечен.

Времени осталось мало – лишь до наступления сумерек.

В конце дорожки вдоль берега озера началась седьмая миля. До дома оставалась одна – если, конечно, он не решит повернуть налево и накинуть еще четыре. Но в ту сторону ничего не было: только закрытый магазин «7—11», лес и добрая половина лабораторий округа. Впрочем, раньше Адама это не останавливало. В свои лучшие (и худшие) дни он там бегал, но сегодня при всем желании не мог: время поджимало.

Вместо этого он повернул направо, пробежал через парковку и только тут заметил на ней пикап старшего брата – сам брат сидел за рулем.

– Адам! – заорал Марти так, что Адам услышал даже в наушниках.

– Не останавливаюсь! – прокричал он в ответ и, не сбавляя шагу, свернул на старую деревенскую дорогу (без обочин, разумеется, и как это ему до сих пор ни разу не пришлось поваляться в канаве?).

На эту самую дорогу выходил западный забор фермы Анджелы. Самого дома отсюда было не видно, зато неподалеку часто паслась ее лошадка в компании лучшего друга – козла.

– Эй, бро, – сказал бро.

Он медленно катил по дороге рядом с Адамом и ждал, когда тот снимет наушники.

– Я тебе сигналил, когда ты поворачивал к озеру – не слышал, что ли?

– Не-а.

– Прыгай в машину. Надо поговорить.

– Не. И кстати, ты вроде отцу помогал.

– А… ну да. – Брат произнес это с отчетливой заминкой – Адам аж покосился на него от удивления. Но бежать не перестал.

Его золотой брат. Волосы светлые, почти белые, выцветшая на солнце борода тоже кажется белокурой (хотя обычно – рыжеватая), внушительные плечи, очаровательная улыбка, которая могла бы сделать Марти самым популярным молодежным пастором в мире, не будь он самым занудным учителем местной воскресной школы за всю историю ее существования. Если верить слухам, он стал еще и самым занудным будущим проповедником в своей семинарии. Да, да, именно поэтому отец считал старшего сына бездарью.

Многим кажется, что парень с такой внешностью должен по определению уметь работать с публикой – его даже не надо этому учить. Из всех проклятий, что могут выпасть на долю человека, физическая привлекательность – самое приятное и завидное. Но все же это проклятье, как ни крути.

– Мои идеи насчет завтрашней службы он забраковал, – сказал Марти. – Назвал их «баландой для школьников».

– Папа же из Орегона. С чего это он выражается, как зэк из Аппалачии?

– В семинарии это называют «быть ближе к народу».

– Я на финишной прямой, Марти. Мне бы не отвлекаться…

– Залезай. Подвезу.

– Еще раз: нет. – Адам даже не подумал останавливаться. Марти медленно катил рядом, следя за движением на дороге – совершенно, впрочем, пустой (потому-то Адам и выбрал ее для пробежки).

Марти предстоял последний, выпускной год в семинарии, где его учили проповедовать и совершать богослужения – с тем расчетом, что он будет служить в «Доме на камне», а когда-нибудь, возможно, станет главным пастором церкви во втором поколении. Марти до сих пор отчаянно об этом мечтал, хотя окружающие постепенно убеждались в его полной профнепригодности.

– Слушай, бро…

Адам наконец остановился.

– Я тут вообще-то занят! Ты ослеп? Или в семинарии из нормальных людей делают важных индюков, которым плевать на остальных?

– Ого. У тебя все нормально?

– Чего тебе надо?! – Адам краем глаза заметил лошадь Анджелы и ее приятеля, козла. Они жевали травку неподалеку от забора и заинтересованно наблюдали за перепалкой двух братьев.

Марти немного помолчал, не вырубая двигатель.

– Мне было бы гораздо проще, если бы ты сел…

– Марти!..

– Я скоро стану отцом.

Адам заморгал. Лошадь и козел тоже: настолько неуместно и нелепо прозвучала фраза.

– Ты переходишь в католичество?

Марти сперва вытаращил глаза, а потом до него дошло:

– Да нет, я про другое!

Адам подошел поближе к открытому окну пикапа.

– То есть?..

– Да.

– Ну, ни хрена себе!

Марти закрыл глаза:

– Я бы попросил тебя не выражаться.

– Катя залетела?

Марти встречался с Катей – красивой девчонкой родом из Белоруссии и самую малость антисемиткой – чуть ли не с первого курса семинарии. Каким-то чудом ее занесло в тот же сельский христианский институт в Айдахо, где учился Марти (история была невероятно запутанная, что-то про патронат и финансовую поддержку государства). Только она училась на инженера. Марти и Катя оказались двумя самыми красивыми студентами на кампусе – а то и во всем Айдахо, – и ясно было, что рано или поздно они станут парой. Приезжая в гости,

Катя привозила с собой весы: взвешивать порции потребляемой пищи. Родители Адама ее боялись.

Брат проглотил ком в горле.

– Нет, не Катя…

– Не… – Адам оперся на дверь машины. – Ох, Марти! Что ты натворил?!

Марти достал из кармана телефон, смахнул пару раз экран и показал брату фотографию: очень красивая (разумеется) чернокожая девушка, примерно одного возраста с Марти, держала в руке голубой пластиковый стаканчик, из каких пьют спиртное на вечеринках (а не на «встречах»). На ней был свитшот с эмблемой того же христианского института, то есть они с Марти учились вместе, но он почему-то никогда о ней не рассказывал.

– Ее зовут Фелис, – с улыбкой сказал он. – Это значит «счастливая».

– А, ну ладно, тогда все о’кей, – невозмутимо ответил Адам. – По гороскопу она кто, говоришь?

Светлые брови Марти завели беседу сами с собой.

– Лев, кажется? А тебе вообще-то заче…

– Марти! Как ты умудрился сделать ей ребенка?! Ты про контрацепцию когда-нибудь слышал? А она?

– Это у нас не приветствуется, – хмуро ответил брат.

– То есть беременность приветствуется?

– Нам не положено вступать в такие связи…

– Погоди минутку. – Сердце Адама качало кровь все медленнее и медленнее, мышцы уже начали наполняться молочной кислотой – восстанавливаться после

пробежки. Если в ближайшее время он не побежит, то скоро окончательно остынет и превратится в голема. – Почему ты рассказываешь об этом мне? Выследил меня на пробежке… – Он прищурился. – Ты еще не рассказал маме с папой!

Марти хотя бы хватило порядочности сделать пристыженное лицо:

– Я не мог больше это скрывать! Хотел поделиться с кем-нибудь…

Адам выдохнул:

– И она, конечно, решила оставить ребенка.

– Конечно! Об аборте и речи быть не…

– Для нее? Или для тебя?

– Для нас обоих!

– Иногда это самый разумный вариант, бро.

Марти разочарованно покачал головой:

– Папа был прав. Ты сбился с пути.

– Ага, так говорят все, кто даже не пытается отправиться в путь. Зато… – Адам жестом пресек извинения брата, которые явно просились наружу, – …я могу утешиться мыслью, что хотя бы насчет тебя папа ошибся.

Они помолчали с минуту – дорога по-прежнему была пуста, лишь работавший вхолостую двигатель пикапа нарушал тишину росистого утра. Лошадь и козел по-прежнему жевали траву, всем своим видом выражая невинное любопытство. Адам провел рукой по потным волосам.

– Вы поженитесь?

Марти кивнул:

– Она только вчера узнала. И сразу мне позвонила. А я сразу сделал ей предложение.

– По телефону?

– Да. Она уже разговаривает со своими родителями, они живут в Денвере. А я поговорю с мамой и папой в выходные. Если нас не убьют, мы поженимся в начале учебного года. Университет даже предоставляет женатым парам специальные комнаты в общаге.

– Где? В 1952-м?

Марти тихо рассмеялся. Он всегда смеялся тихо.

– Ладно, а от меня ты чего ждешь? Поздравлений? – спросил Адам. – Ну, о’кей, поздравляю. Учитывая, что я знаю о существовании твоей избранницы примерно тридцать секунд и видел одно ее фото, я за вас очень рад.

– Я люблю ее. По-настоящему. И она тоже меня любит.

– А с Катей что?

– Катя была… ну, злобная.

– Не говори.

Марти снова сделал пристыженное лицо.

– Вообще-то я хотел все рассказать родителям сегодня вечером, пока ты на встрече. Ты же не?..

– Не?..

– Не собирался сообщить им какую-нибудь важную новость?

– Это какую?

– Ну, я просто подумал – если мы признаемся одновременно, то им придется орать на нас обоих. И тогда каждому меньше достанется…

– Какую еще важную новость? – Адам пристально смотрел Марти в глаза, бросая ему вызов: ну, мол, скажи это вслух – или слабо? Марти не сказал. – Даже если сегодня они очень на тебя разозлятся (а они разозлятся), то рано или поздно остынут. У них ведь будет внук. Надо просто переждать бурю – и счастливый конец у тебя в кармане. – Он не удержался и добавил: – Как всегда.

– Не всегда.

– Тебе они достаются почаще, чем мне.

Марти вновь покачал головой:

– Ты по-прежнему ребенок… И пока даже представить не можешь, что такое любовь. Но когда-нибудь ты это узнаешь. Надеюсь.

– Тебе двадцать два года, Марти. Что ты можешь знать о любви?..

– Бро…

– Пусть Фелис не первая девушка, с которой ты переспал. Она вторая, так?..

– Какое отношение это имеет…

– Ну, во-первых, моя сексуальная жизнь уже понасыщенней твоей будет.

– Не желаю об этом знать…

– А во-вторых, я знаю, что такое любовь, Марти.

– Нет, не знаешь. Подростковая любовь – незрелая, детская. Особенно такая… – Он умолк.

– Какая? – Адам практически залез в салон через окно. – Особенно какая?!

Марти, кажется, искренне смутился:

– Думаешь, они ничего не знают? Думаешь, они не лезут ко мне с расспросами про тебя?

– Ну, ко мне-то они с расспросами не лезут, поэтому я сделал вывод, что они просто решили об этом не думать.

– Слушай, я не… – Марти всплеснул руками, не смог поймать подходящее слово и положил руки обратно на руль. – Я люблю тебя, бро, но ты должен знать, что жизнь, которую ты выбрал…

– Аккуратней, Марти. Я серьезно: берегись. Мир сильно изменился, а ты и не заметил.

Марти заглянул Адаму в глаза:

– Это ненастоящая любовь. Все просто убедили себя в обратном. Но от этого она не стала настоящей и никогда не станет.

У Адама от злости голова пошла кругом: откуда-то из живота поднялась сокрушительная волна гнева и боли, перекрывшая доступ кислорода в дыхательные пути. Вот бы найти слова, складную и взвешенную фразу, мощный снаряд, который можно швырнуть в Марти и стереть наконец эту гнусную жалость с его лица, а заодно – ненароком – уничтожить пикап брата вместе с его безмозглым высокомерием, одним метким ударом выиграв этот идиотский, никому не нужный, выматывающий душу спор.

– Ах ты гад, – только и вырвалось у него.

Он побежал дальше, врубив музыку на полную громкость. Лошадь и козел проводили его молчаливым взглядом.

Мышцы все же успели одеревенеть: казалось, у него на ногах шины или гипс. Но Адаму было все равно, он бежал дальше, и пикап брата вскоре остался позади.

Я люблю тебя, но…

Вот всегда, всегда так: «Я люблю тебя, но…»

Он прибавил шагу. И еще. И еще.

Эта ярость. Эта утомительная, бесконечная ярость. Неужели в его жизни ничего, кроме нее, не будет? Только эта злость, которая ломает изнутри, вытягивает жилы, уничтожая все прочие чувства, – пока однажды он не перестанет понимать, когда действительно нужно злиться, потому что, кроме злости, внутри ничего не окажется.

Он бежал дальше. Шаги становились все шире, руки взлетали все выше.

«Не хочу так, – думал Адам. Не хочу быть этим человеком. Не хочу постоянно со всеми ссориться».

Хочу любить.

Хочу любить.

Хочу любить Энцо.

Ноги работали на пределе физических возможностей. Они были практически отдельным организмом, полным дрожи и боли, – так бывает, когда получишь травму на морозе. Если он остановится, то потеряет равновесие. Только бег и удерживал его в вертикальном положении.

«Хочу любить Линуса», – подумал он.

Хочу хотеть любить Линуса.

Адам подбегал к дому с другой стороны – утром он выезжал на машине в противоположном направлении. Он достиг максимальной скорости, и впереди уже маячил пожарный гидрант – его финишная отметка – пожарный гидрант, пожарный гидрант…

Все, финиш. Он сбросил скорость и заходил кругами по лужайке. Сердце билось так сильно, что пульсировала кожа на запястьях. Грудь вздымалась, жадно втягивая воздух – словно золотая рыбка, которую вытряхнули из аквариума.

В ушах по-прежнему гремела музыка. Мама уже поглядывала на него из-под широких полей своей очень старомодной шляпы, в которой обычно копалась в саду. Ей всего сорок три. По образованию – лингвист. Почему она одевается как бабушка из рекламы дорогого печенья – непонятно. Чтобы быть ближе к народу, видимо. Впрочем, бабушкой-то она станет раньше, чем думала.

Адам, тяжело отдуваясь, продолжал нарезать круги по газону – ждал, когда стихнет пульсация в висках и ушах. Пару раз его рвало от нагрузок, было дело. Приятного мало, конечно, и все же Адам в те минуты чувствовал себя немножко героем. Была в этом какая-то удивительная сила – пренебрегая границами дозволенного и безопасного, он растворялся в забвении, полностью исчезал, позволял себе исчезнуть.

И сейчас он не понимал, отчего у него трясутся руки – от нагрузок или от злости.

Адам остановился, согнулся пополам, попытался сделать вдох носом. Не поднимая головы, выключил музыку – мама явно что-то ему говорила.

– А?

– Я сказала… – Она безжалостно обрезала неуступчивую хризантему. – …Не понимаю, зачем так драматизировать. Целое представление из пробежки устроил!

– В смысле?

Мама издала какие-то мерзкие хрюкающие звуки. Адам даже не сразу понял, что она изображает его надсадное дыхание.

– Ты же не марафон бежал!

Адам сглотнул.

– У Марти новая подружка. И она только что залетела.

Мама даже не подумала ему поверить, отмахнулась, и все.

– Вот опять – сплошная драма, драма, драма. Когда-нибудь ты вырастешь, малыш, и мы…

– Он собирался рассказать вам с папой в выходные. Они скоро поженятся, и университет предоставит им специальное жилье.

Мама открыла рот, потом закрыла, потом снова открыла:

– Не нравятся мне такие шутки, Адам. Ты думаешь, это очень смешно, но в конечном итоге все понимают, что ты солгал. И ведь не про кого-нибудь, а про родного брата!

– Легок на помине!

В самом деле, его брат подъехал к дому так вовремя, что Адам даже засмеялся.

Мама сделала строгое лицо:

– Это не смешно!

– Да, ты права. Ничего смешного. Понятия не имею, где он возьмет деньги на ребенка и на последний год обучения в семинарии. Учитывая, что у нас с деньгами сейчас туго.

Они молча наблюдали, как Марти паркуется, а тот разглядывал их лица – пытался понять, что ему светит. Вот тут-то до мамы начало доходить.

– Катя?.. – прошептала она.

– Не-а, – ответил Адам, снова врубил музыку, чтобы не слышать криков, и ушел в дом.

Он отправился прямиком в душ, но через несколько минут даже сквозь звук льющейся воды услышал вопли (в основном мамины). Мама в прямом смысле слова выла. И не так уж она расстроилась – просто не хотела упускать возможность хорошенько повыть.

Тут Марти начал барабанить в дверь ванной.

– Зачем?! – орал он. – Зачем, бро?

Адам только сцепил руки за головой и сунул ее под поток воды.

И правда: зачем?

В груди все еще горело, да так сильно, что было не понять, где заканчивается гнев и начинается боль. Казалось, рана никогда не заживет. Родители и брат постоянно ее бередили, продолжая при этом твердить о своей любви.

Сегодня день плача, он это понимал – ведь вечером уезжает Энцо. Но пока плакать рано. Нет, он не станет плакать.

А родным надо отдать должное: знают его больные мозоли.

Вдруг они правы? Вдруг с ним действительно что-то не так? Вдруг на каком-то глубинном уровне, там, где обретается его истинная сущность в самой простейшей, очищенной форме – вдруг на этом уровне он действительно порочен? Вдруг в одном из первых кирпичиков, из которых начинала складываться его личность, пошла крошечная, едва заметная трещина? И на эту трещину, на изначально поврежденный фундамент, потом накладывались все последующие события его жизни. А в итоге получилась броня, сооруженная поверх фасада, построенного на непрочном фундаменте, – и на самом деле у его личности нет никакого ядра, здорового стержня.

«Способен ли я любить? – думал он. – По-настоящему?»

И можно ли любить меня?

Адам закончил принимать душ, вытерся и – убедившись, что Марти ушел, – прокрался по коридору в свою комнату. Там он переоделся в форму мегакорпорации «Зло интернэшнл» – из голимой синтетики, разумеется, но неплохо скроенную (ведь клиентов мегакорпорации «Зло интернэшнл» не должны обслуживать нищие), взял ключи, одежду для вечеринки, в которую он переоденется у Линуса, и телефон.

Помедлив немного, написал сообщение: «Прости, что рассказал им, бро. Но ты тоже виноват. Жду извинений».

Он отправил ее и кликнул по другому контакту из списка.

«Подружка Марти залетела. Это не шутка!»

«ЧТО?!?!?! – написала в ответ Анджела. – Он Джуди Блум хоть читал?!»

«В общем, у нас тут адок. Мама воет».

«Повезло тебе! Мои предки вечно всем довольны».

Он улыбнулся, но только потому, что так было надо. Для этого он и написал подруге, верно? А вообще-то улыбаться не хотелось.

Адам замер и прислушался, пытаясь подгадать момент и выскочить из дома незамеченным.

3

Мегакорпорация

«Зло интернэшнл»

Факт есть факт: Терны были гораздо беднее, чем казалось со стороны. Дом (вместе с хризантемами) принадлежал церкви, которая совершенно бесплатно предоставляла жилье семье священника. Но, поскольку они не были хозяевами дома, то и заложить его не могли, чтобы заплатить, к примеру, за образование Марти и Адама (хотя учеба последнего пока была под вопросом). Кроме того, «Дом на камне» удивительно – просто до смешного – мало платил своим сотрудникам.

В «Ковчеге жизни», самой крупной евангелической церкви города Фром, дела обстояли несколько иначе. Они не были конкурентами «Дому на камне» (что вы, какая конкуренция? мы все тут служим Господу, делаем Божье дело!), однако дух соперничества был у Здоровяка Брайана Терна в крови. Годы его службы в «Доме на камне» стали одной сплошной (и тщетной) попыткой обойти «Ковчег жизни» как по количеству прихожан, так и по степени святости в общем зачете кубка «Божье дело».

Несмотря на все его старания, именно у пастора «Ковчега» Терри Лагранда по кличке Волосы и его жены Холли-Джун было четыре прихода по тысяче с лишним человек в каждом, которые по воскресеньям выстраивались в очереди у ворот церкви. Именно проповеди Терри и Холли-Джун об Евангелии процветания звучали особенно убедительно, ведь ездили они на золотом «Мерседесе». Именно у Терри и Холли-Джун были три идеальные черноволосые дочери, старшая из которых подписала контракт со студией звукозаписи. Скоро у нее выходил первый сингл – «Одинокие девушки (невесты Христа)».

Терны из кожи вон лезли, чтобы хоть со стороны казаться достойными соперниками Лаграндам. А в действительности, учитывая, что в прошлом году мать Адама уволили с должности лингвиста-аналитика при Министерстве обороны в Сиэтле, они едва сводили концы с концами. Почти все свободное от учебы время Адам вкалывал, просто чтобы позволить себе чистую одежду и бензин для старенькой двадцатилетней «Хонды», которую он купил по объявлению за четыреста долларов.

А работал он на огромном складе мегакорпорации «Зло интернэшнл» под начальством Уэйда Джиллингса, который в тридцать восемь лет до сих пор заведовал складом (пусть и огромным), носил пугающе тесные брюки и слишком, слишком часто распускал руки.

– Терн! – заорал он, когда Адам проходил мимо унизительно тесной кладовки, служившей Уэйду кабинетом. Из двери высунулась рука и шлепнула Адама по левой ягодице.

Адам закрыл глаза.

– Мы ведь это обсуждали, Уэйд. Я буду жаловаться!

Уэйд – его усы и стрижка вышли из моды лет тридцать назад – скорчил морду грустного щеночка и плаксиво заскулил:

– Я Адам Терн, и у меня болит киска!

– Господи, Уэйд…

– Ты опоздал.

– Неправда.

– Почти. Я запросто могу на тебя настучать.

– Я не опоздаю, если ты дашь мне вовремя отметиться.

Уэйд ухмыльнулся:

– Хочешь, чтобы я тебе дал?

Адам повернулся к планшету на стене с приложением для табельного учета – и слишком поздно сообразил, что стоит спиной к Уэйду. Тот шлепнул его по правой ягодице и сказал:

– За работу! Карен и Рене уже в хозтоварах.

Адам со вздохом отметил в приложении время прихода на работу. Пока он добирался до отдела хозтоваров в дальней части огромного склада, телефон у него в кармане несколько раз провибрировал.

«Чувствую некий напряг насчет ситуации у тебя дома, – писала Анджела. – Или меня глючит?»

«Нет, – ответил он. – Все как обычно».

«То есть плохо, как показывает практика. Ну ничего, вечером мы тебя развеселим».

«А ты как? И о чем ты, кстати, хотела поговорить?»

«Успокойся, параноик! Все нормально. Уэйд тебя уже облапал? Между прочим, это карается».

Адам знал Анджелу с третьего класса, но подружились они только в пятом, когда поехали на ночную экскурсию в обсерваторию. Октябрь в штате Вашингтон всегда пасмурный, однако на такой случай коварные владельцы обсерватории запаслись планетарием. Тридцать десятилеток (под бдительным присмотром пары родителей, включая Марик Дарлингтон – мать Анджелы) разложили на полу спальные мешки и глазели, как на потолке разворачивается Вселенная. Шоу длилось всего пятнадцать минут, а потом его просто включили еще раз. И еще. После четвертого повтора начался бунт, и сотрудник обсерватории врубил «лазерное шоу», которое последний раз крутили в начале 80-х, если не раньше. Тридцать сонных подростков начали засыпать под наполненную светом колыбельную «Темная сторона Луны».

Утром Адаму пришла смс: папа сообщал, что заберет его на час позже, потому что миссис Наварре попросила «полечить молитвой» ее ревматоидный артрит.

– Да неужели? – спросила мама Анджелы. И все-таки предложила подбросить Адама до дома.

Адам и Анджела тихо сидели на заднем сиденье, а миссис Дарлингтон – лет на десять старше его матери – без умолку болтала, то и дело поглядывая на них в зеркало заднего вида.

– Ну как, вам понравилось? – спросила она. – Да, настоящий космос вам так и не показали, но шоу было неплохое, когда его крутили в первый раз. А лазерное

представление – боже мой, я прямо молодость вспомнила! Однажды я тайком от родителей побывала на таком мероприятии. Дело было в Голландии, все курили травку, и дым стоял коромыслом, а лазерные лучи в дыму казались прямо трехмерными! Кстати, именно тогда тетя Фамке познакомилась с дядей Дирком и забеременела твоим двоюродным братом Лукасом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/patrik-ness/osvobozhdenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить